

БИБЛИОТЕКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ,
УДОСТОЕННЫХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ СССР

Постановлением
Центрального Комитета КПСС
и Совета Министров СССР
ЗУЛЬФИЕ
(*Исраиловой Зульфие*),
народному поэту Узбекистана,—
за книгу стихов
«Строки памяти» и цикл «Радуга»
присуждена
Государственная премия СССР
1976 года

Зульфия

Спироки памяти

СТИХИ И ПОЭМА

Перевод с узбекского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1978

Имя Зульфий — народного поэта Узбекской ССР — любимо ценителями поэзии в любом уголке нашей Родины. Книга «Строки памяти» составилась из переводов произведений самых последних лет. В них Зульфий воспевает отчий край, труд соотечественников; лирические размышления касаются сложной жизни человеческого сердца.

Прекрасные строки посвящены Пушкину, братским связям России и Болгарии. «Поэма огня и дороги» воссоздает творческий и жизненный облик известного узбекского писателя Айбека.

Стихотворения цикла «Радуга» входят в книгу «Строки памяти».

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1978 г.

Спихи

РОДНЫЕ

Без родины дышать бы не могла я,
Была бы беспросветной жизнь моя,
Но если б из отеческого края
Не видела далекие края,

Я не нашла бы близкое в далеком,
И стала бы душа моя бедней,
Не зная счастья: двигаться к истокам
И на чужбине находить друзей.

И узнавать, что есть большое в малом,
Что человек сильнее из года в год...
Давно ль он высекал огонь кресалом!

А ныне молнию он создает
Из гнева своего.

Он ищет друга,
Ему моя отзывчивость нужна!
О время, ты — натянутая туго,
Стремительно звенящая струна.

Но музыкант не должен быть бездушен,
Он должен слушать боль и страсть земли,
Иначе будет звонкий строй нарушен
И задохнется музыка в пыли.

Земля, тебя любить не перестану,
Ты нас связуешь испокон веков,
А жизнь я уподоблю каравану:
Как дорог мне призыв его звонков!

Земные сотрясаются пределы,—
Между добром и злом идет война.
Становится багряным лотос белый,
Густою кровью даль напоена,

Но эта кровь горит и на знаменах
Бесстрашных воинств мира и труда.
Я — лишь крупинка сил разноплеменных,
Но быть такой крупинкою горда.

Свобода — солнце:

я — его частица.

Свобода — пламя:

я — лишь часть огня.

Но, часть, я страстно жажду с целым слиться,
И выше нет удела для меня.

На свет родившись в доме многодетном,
Люблю я братьев и сестер тепло,
Внимать училась голосом всесветным,
И чувство близости во мне росло.

Вы — белые,

вы — черные,

цветные,

Из ближней ли, из дальней стороны,—

О люди мира,

все вы мне родные.

И, как родные,

все вы мне пужны.

БОЛГАРИЯ

Оттого, что здесь розы,
        так нежно и властно пылая,
Расцвели, словно милые розы
        узбекской земли,
Показалось мне, будто земля твоя —
        с детства родная,
Показалось мне, будто с тобою мы
        с детства росли.
Разделенные далью пространств,
        оказались мы рядом,
Возле улиц ташкентских
        отпыне ты в сердце мосм.

О Болгария, кажется мне,
        что над розовым садом
Сочиняешь ты песню,
        звенишь мне родным соловьем.
И так счастлива я
        узнавать твой напев соловьиный,
Что мне кажется, будто
        я ветру и свету сестра,
То ловцом жемчугов
        пропикаю в морские глубины,
То, как птица, парю
        на безоблачном небе добра.
И от музыки этой,
        услышанной мною впервые,
Вдруг рождается паново чувство,
        что жизнь хороша,
Что не умерли мертвые,
        что молодеют живые,
И прекрасного самоотверженно жаждет душа.
И становится ясно:
        мы, новые люди, крылаты,
Мироздания тайны
        для паших распахнуты глаз...
О, симфония гор,
        о, долин многозвонких каптаты,
О, Болгария — музыка, околдовавшая нас!

Море с небом слились
и блестят голубеющим сплавом,
И навряд ли отыщутся краски
сочней и светлей,
Но я знаю, была ты, Болгария,
полем кровавым,
И все розы вобрали в себя
кровь твоих сыновей.
Край болгарский, я знаю,
ты долгой борьбой не состарен,
Приподняв над землей,
пронеси ты меня сквозь года,
Там, где с вопнем русским
покоится рядом болгарин,
Где твоя соловьиная песнь молода-молода...
Были годы былые твои —
как тяжелые камни,
Но свобода
была и камням твоих гор дорога!
О балканское чудо, Болгария,
как ты близка мне,
Как сверкают каменя —
талантов твоих жемчуга!
Как привольно и молодо
зори твои разгорелись,
В торжестве твоём нынешнем
дедовский слышен завет.

Соловьиная песня — Болгария,
вешняя прелесть,
Крылья строчек дочерних моих
и очей моих свет!

БЕЗ ТЕБЯ

Целую жизнь без тебя (о, как время бежит),
Целую жизнь без тебя прожила уже я на свете.
В день, когда, к гробу припав, я рыдала навзрыд,
Подняли с пола меня и поставили на ноги дети.

Вот и стою, словно щит. И лица своего не прячу
Ни от весен и зим, ни от радостей, ни от страданий.
Если хоронят другие, — с ними я вместе плачу.
Свадьбу справляют другие, — резвлюсь веселее лани.

Все изменяется вдруг, чуть я одна осталась:
Горло мне разъедает горечь невылитых слез.

Слабость вдруг нападает. На плечи ляжет усталость,
А на губах нествязный, единственный мой вопрос.

«О, почему при жизни, — спрашиваю напрасно, —
О, почему при жизни ты не ушел к другой?!
Пусть даже к самой стройной, самой прекрасной,
страстной?!
Лучше б меня ты бросил, только б ты был живой!»

Люди мне говорили: горше смерти — разлука.
Душу палит измена, эта обида обид.
Верю... Но я бы стерпела, вынесла эту муку,
Только бы знать, что где-то голос родной звучит!

Только бы знать, что где-то ты существуешь в мире,
В жизни той, что дарит нас или томит, казня.
Только бы знать, что шаги твои — все уверенней, шире!..
О, почему при жизни ты не бросил меня?!

Ревность меня душила бы. Мучило оскорбленье.
Я бы кляла другую... Да и тебя со зла.
Но за тобою все же не побрела бы тенью,
А, по праву любви, молча тебя б ждала.

В снах моих — самых тайных! — были бы мы все же
вместе,
И от тебя, живого, я поджидала б вести!

...Счастье творить все труднее сердцу, уму моему,
Связанным нераздельно с черной твоей судьбой...

О, почему, любимый, о, почему, почему

Ты меня не оставил?..

Или не взял с собой?

я о жизни прошедшей...

Перелистав прошедшего тетрадь,
Я попяла, что не жила вполсилы:
В дни счастья не боялась хохотать,
Когда любила, всей душой любила.

Во что одета, в ситцы иль в шелка,
Не замечала от избытка чувства.
Любовь погибла, и пришла тоска,
Смягчить ее мне помогло искусство.

Припоминая жизнь за годом год,
Не придаюсь ненужной укоризне.
Утратам и дарам потерян счет.
Изведала я горе и почет...
И я за это благодарна жизни!

ЛИШЬ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Послушно сердце лишь одной любви.
Земля и небо — все ничто пред нею.
Он взглянет — и огонь в твоей крови,
Язык твой онемает, леденея.

С любовью ты не сладишь ничем,
Ты цепью не скуешь ее железной
И золотым не отомкнешь ключом.
И гнев, и уговоры — бесполезны.

В осколки душу разбивает взгляд,
И все ж любовь хранит осколок каждый.
Два берега, как два крыла летят,
Два сердца мучатся единой жаждой.

НАПРАСНО ПРОЖИТОЕ

На небесах, на суше, в океане —
Повсюду жизнь... Шумит ее родник.
И, совершая нужное деянье,
Мы сами украшаем каждый миг.

А день, который бесполезно прожит,
В ночной тиши нас тяготит и гложет.

Пусть гложет! Всякому на пользу это!
Без недовольства ведь и жизни нет.
Не будет мрака, не оценим света,
Не обойтись без горестей и бед...

Лишь пустота — смертельна для поэта!

НЕВЫСКАЗАННЫЕ...

В смущенье видишь: их осталось много —
Тех слов, что высказать не удалось.
А может, их-то жгучая тревога
Сердца людей пронзила бы насквозь!

Тебе мешала робость или вялость...
Неужто их с собою унести?!
Ведь если слово людям не досталось,
Как ты отыщешь новые пути?..

О чувства!..
Ураганы и буруны!
На миг притихните в груди моей!

РАСПУТЬЕ

Писала я.
И мыслей вереницу
Подстегивал бичом горячий стих.
Но есть в тетради у меня страница
Пустая
Меж других страниц моих.

Она зияет где-то посредине
Между зарей и угасаньем дня.
Она подобна выжженной пустыне.
Она — как рана в сердце у меня.

Распутье...
Влево повернуть иль вправо?

А путь уже немалый позади.
Там долгие труды мои, там слава
И боль загубленной любви в груди.

Распутье.
Сколько здесь оттенков всяких:
Успокоенье.
Горечь.
Властность.
Честь.
Хоть на стихах слезы горючей накипь,
Но рваться вверх
Стремленье
Тоже есть.

Распутье.
Гибель счастья и усталость.
Руины. Пламя вечного огня.
И рану, что в душе навек осталась,
Лечить подделками — не для меня!

Но возникает, душу освежая,
Зиянье заполняя до конца,
Сознание, что радость есть чужая,
Что я людские радую сердца!

Как не бывает пустоты в природе,
Так в жизни нет бессмысленных помех.
Вовеки не наполнится колодец...
Боюсь, не хватит мне распутий всех!

В ОБЪЯТИЯХ БУРИ

Однажды я была в объятиях бури
И опьянела, словно от вина.
Одним крылом плескалась там, в лазури,
Другим купалась в дпкой, гневной хмури,
Душою смятена, восхищена.

То, будто лодочка, ища приюта,
Дрожала у высоких берегов,
То бурю я приветствовала, будто
Всю суть мою взбурлил мятежный зов.

О ветры, поднимите, оторвите
Прочь от земли!.. Несите ввысь, во тьму!..

И с миром связанная сотней нитей,
Я молнию по-братски обниму!

И, песню пламенем ее наполня,
Тебя восславлю, бури красота!
Пусть ветви острые
деревьев-молний
Покроют ранами земли уста!

О, грохочи! Пылай все неизбывней!
Греми по телу огненной арбой!
Стегай кнутами бешеными ливней,
Ты, буря, ставшая моей судьбой!

Рви, раздирай от головы до пяток!
И я пойму — велик он или мал —
Цветущей юности моей остаток,
Что к небесам когда-то поднимал!

Могу ль еще равняться в первородстве
С тобою, буря?! Быть глаза в глаза?!
Я чую: под моей рукою гнется
Все грозы перенесшая лоза.

Когда б не буря, я не знала б света!
Как молния, священный дар стиха...
Когда б не буря, не удел поэта,
Была бы жизнь моя пуста, глуха.

ВОЗЛЕ ФОНТАНА

Над вершинами деревьев — луна,
Свет всех лампочек затмила она.
И бессонны двух влюбленных сердца —
Тишина их стуком оглушена.

И клокочет, и вскипает фонтан,
Жемчуга в траву роняет фонтан,
Украшает он весельем воды
Миг счастливый, что двоим нынче дан.

Вот луна погасла.
Вспыхнул рассвет.

Скрылись двое,
                                пи души в парке нет.
Пусть же радость этой чистой любви
Освещает их судьбу много лет!

МОРЩИНКАМИ МЕНЯ НЕ ПОПРЕКАЙ

Морщинками меня не попрекай,
Весна моя! Цвети как можно доле,
Но знай: морщинка — что полоска в поле,
Принесшая богатый урожай.

За ней, морщинкою, огонь и лед.
Ведь наша жизнь не только ликование.
И ты, дитя, времен изведав ход,
Иначе отнесешься к увяданью.

В плену у красоты своих детей
Не будешь замечать свои морщины,
Не осознаешь старости своей,
Гордясь расцветом дочери и сына.

Морщинки — это песни и труды.
Ты не должна за них корить беспечно!
То поколения нового следы
И память дедов, их судьбы извечной.

ДЫХАНИЕ ЖИЗНИ

И снова ночь ползет едва,
И снова сон нейдет.
От мыслей пухнет голова.
Подушка щеку жжет.

Луна недвижимая — в окне,
Лучи — подобьем струн...
Вздохну и отвернусь к стене.
И там, гляжу, на сюзанае
Горят пять пестрых луп.

Давно молчания печать
На лик друзей легла...

НА ОЗЕРЕ

На озере кто из вас не был?
Спешите сюда!
Вода здесь, как небо...

А небо

Синей, чем вода.
Дыхание свежей прохлады,
Касанье ветвей...
Вы видели озеро?

Надо

Увидеть скорей!
Здесь лодки — в упругом движенье.
И водная гладь
Качает кустов отраженья
Опять и опять.

И солнце, начав на рассвете
Свой путь голубой,
Помедлит над зеркалом этим,
Любуясь собой.
Раскинулась праздником ярким
Природа вокруг,
Приняв драгоценный подарок
Из дружеских рук.
Вздымаются весла проворно,
Играет волна
На озере том рукотворном,
Прозрачном до дна...
Раздолье тут песням счастливым.
И, слушая их,
Притихли плакучие ивы,
И берег притих...
Утешено жадное зренье...
Как эхо — в тиши,
Рождается стихотворенье
В глубинах души.

МОЕ ДИТЯ

Ну как же мне его не ласкать,
Как не шептать:

— Мой светик, я тут...—

Слова любви текут с языка,
И, как от меда, сладко во рту.

Малыш мой, радость, солнце семьи,
Взошедшее на небо из тьмы!
Едва откроешь глазки свои,
Вокруг тебя вращаемся мы.

Смех, лепет, шум ребячьей возни —
Все в душу проливает восторг:

На вечной пиве жизни возник
Еще один бесценный росток!

Защитою от вражды и от лжи
Дитя в моих объятьях лежит...
Вот этих щек, ручонок, волос
Что может быть прекрасней, скажи?

Дитя мое, никто никогда
Не сможет мне тебя заменить,
Тобой я, как наградой, горда,
Твой голос в моем сердце звенит.

Глазенки твои черные, но
Их взглядом светлый мир сотворен.
В них матери увидеть дано
Сияющее завтра твое.

В твое лицо, в медвяный цветок,
Влюбилось нынче солнце само.
А ночью слышен звезд шепоток:
Одна: «Он мой...»,
другая: «Нет, мой!»

Расти спокойно, милый малыш,
Под сенью материнской любви.
Вокруг порхают, если ты спишь,
Несчитанные песни мои.

Нам ничего не страшно двоим:
От горя заслоню тебя я,
А счастье все — пусть будет твоим,
Ягненок мой, отрада моя!

О ВАС ПОЮ, ЗЕМЛЯКИ

Опять слова певучие легки,
Поля просторны, солнцем залитые.
О вас пою, батыры, земляки,
Трудящиеся руки золотые!

Украшена земля цветами глаз,
И горы хлопка в пору плодородья
Среди долины окружают нас,
Провозглашая вызов непогоде.

Благословен на лбу рабочий пот
И платя холст, темнеющий от пота.
Щедра земля... Не счесть земных щедрот!
Но ведь и руки щедры на работу!

Шеренги всемогущие машин
Ведет в полях от края и до края.

Я мысленно опять иду в поля.
В родные дали вглядываюсь зорко,
Где синевы широкая пола
Теряется за гранью горизонта.

Какая ширь! Какая пестрота!
Какой лазурью небо осиянно!
Как я благодарю тебя, страда,
За все богатства нашего хирмана!

И хлопка снег, и золото зерна,
Янтарь лозы, — о, что на свете краше!
Нить шелка и каракуля волна,
Я уподоблю вас небесной пряже!

И там, в потоке солнечной реки,
Которая поля пересекает,
Вновь предстают, как боги, старики,
Чья седина, как соль земли, сверкает.

Согнуть их даже старость не смогла!
Весь век они трудились не боля,
И чем их кожа более смугла,
Тем волосы их кажутся белее.

В пих та же страсть!
Что холод им и зной?
Они, как мы, готовы сдвинуть горы.
И там, где строить начали весной,
Там к осени возникнет новый город...

И отдыха мне песня не дает
Под этими родными небесами.
Какое поколение встает,
Какая ширь перед его глазами,

Какие в ней дороги пролегли!..
О юноши, кому дано так много,
Через страну волшебную любви
Еще должна вас повести дорога.

Что исподволь накоплено в груди,
И смысл, и формы обретет иные.
Такое счастье ждет вас впереди,
Какого не изведали доньше.

Тем счастьем, юность, не пренебреги,
Не разбазарь, не растеряй случайно.
Не лги в работе
И в любви не лги.
Прекрасен труд.
Любви прекрасна тайна.

Вы суть семьи.
Вы преданы стране.
Где б ни трудились,
Вы основа дома.
Стараетесь с мужчиной паравне,
Познав и тяжесть и восторг подъема.

Шелк или хлопок,
Руль или станок —
Беретесь властно за любое дело.
Порой, глядишь, и парень сбился с ног,
А женщина работает умело.

Секрет ваш прост:
Пусть труден день забот,
Стремительно, перастяжимо время,
Но там, в дому, заботы нашей ждет
Грядущего родное поколенье...

Вдоль осени шаги мои легки.
Свободны мысли, солнцем залитые.
О вас пою, подруги, земляки,
Трудящиеся руки золотые!

Судьбу стихов кто знает наперед?
Кто песни путь предсказывает верно?

Но я свою дарю тебе,
Народ,
Твоей судьбе,
Работе вдохновенной.

БЕССМЕРТНАЯ МОЯ...

Мама, слышу издалека
Голос твой...

Но сама ты — где?
Сквозь какие идешь века?
Держишь путь
по какой звезде?

Открываешь какую дверь,
Чтоб взглянуть на дела детей?
Человечество, ты теперь
Так из космоса
ждешь вестей.

Степь,
        гора,
                пещерный очаг...
Где ж впервые
                в заветный миг,
Возвестив начало пачал,
Детский крик в тишине возник?

Но мгновений тех давних жар
И в мою прошикает кровь.
Материнство дано мне в дар,
Драгоценнее нет даров!

Своему я долгу верна,
Гордый дух во мне несломим:
Я со смертью
                во все времена
Спорую всем существом своим.

Что есть тело мое?
                Сосуд,
Жизнью налитый по края:
Хворых руки мои спасут,
Несчастливых утешу я.

Двуедина — и мать, и дочь, —
В год любой и в любом краю,

На пороге встречая ночь,
Колыбельную я пою:

«О мать моя — мое дитя,
Белы и розовы сады...
Тебя так рада видеть я
В расцвете сил и красоты.
Твой жребий тяжек и высок:
Я повитухой послужу...
Потом к созвездию Весов
Две колыбели привяжу.
В одной
                    младенец твой уснет,
В другую
                    ляжешь ты сама.
Пусть будут сладкими, как мед,
Тягучие минуты сна!
О, разреши себе прилечь,
Давно утих полдневный зной.
Пусть снимет с этих нежных плеч
Свои заботы
                    шар земной!
Мне время отдано во власть,
Я день и ночь перекрою,
Чтоб только выспалась ты всласть
Под колыбельную мою...»

Тяжкий гнет покаянья сбрось!
Где любовь, там виновных нет...»

Мама, рухнул внезапно плен
Всех невзгод,
                                отлетела грусть!
Я — ребенок,
                                твоих колен
Невесомый и сладкий груз.

Вновь бессмертье в полете лет
Мне является наяву.
Ту тропу, что хранит твой след,
Гордо Родиной я зову.

Ты —
                                и берег, и бег воды,
Тьма и луч, победивший тьму.
Мудрость в сердце моем буди,
Тайны жизни диктуй уму.

Коль утерян знак или слог
В тексте памятном,
                                ничего!
Я, просеяв всю пыль дорог
Сквозь ресницы,
                                найду его.

В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

В день моего рождения опять,
как ежегодно, ночь без сна промучась,
я мать свою, страдая, вижу — мать
в тот час, когда моя решилась участь.

И крови ток, и сердца робкий стук
безмолвно вопрошают без ответа:
великих ли я стоила ей мук,
как долго длилось ожиданье это?

Читаю в прошлом трудно, по складам.
Там мать моя, чтоб боль уменьшить болью,
прижав руками к животу сандал,
оплачивает жизнь мою собой.

По-детски безмятежный лоб в поту,
и, как с прабабок принято в народе,
конец ее косы в иссохшем рту —
так все должно быстрее свершиться в роде.

Пять дней, пять мук глядят в ее окно.
На лошади соседской виновато
отец мой поскакал уже давно
за повивальной бабкою куда-то.

От мук извечных мать еще юней.
Один комок огня и льда — мы обе,
но волей бытия мне тесно в ней,
как некогда горам в земной утробе.

Страшит мгновенье каждое, как взрыв.
Но знает мать, причастна к древней тайне,
что, только дверь в мученья отворив,
пройдешь туда, где больше нет страданий.

Ждал мир весны, цветенья, тишины,
меня. И ждали, замерев, как тени,
пять сыновей, что раньше рождены,
чтоб и мое отпраздновать рожденье.

И, словно колосок, мой голосок
рванулся в жизнь, и я на свет явилась,

чтобы губами отыскать сосок,
дарящий упоительную милость.

Все лаской, удивлением, игрой
со мною и во мне самой рождалось,
но это были плоть ее и кровь,
жизнь матери, любовь ее и жалость.

Когда же подошла пора уйти, —
как ископ веков взрослеют дети, —
отпасть, лишиться ласковой груди,
казалось, что лишусь всего на свете.

А мать? Как отлучить ей от себя —
пускай и понимает: не удержишь! —
кровинку, в чьей улыбке — вся судьба,
все мужество ее и вся надежда...

Теперь, перебирая струны строк,
хочу ей благодарно поклониться
за них, благословляя их исток,
я, сердца материнского должника.

Ничем вернуть свой долг я не смогла:
нет средств таких и нет такой науки.
Но жизнь сама ребенку я дала,
узнавши цену ей ценою муки.

СТРОКИ ПАМЯТИ

Все, что ни сбудется,
все позабудется:
свадеб туман, облаков колыбель;
день, когда первенцем сердце любит,ся,
час, когда горечь входит к тебе.
Друга измена,
мука работы,
юные годы,
прошлые годы...

Только вовеки
любовь не состарится
и сохранится с ней рядышком та

горечь отчаянья:

вечно останется
смертью оставленная пустота!

Что там ни сбудется,
но не забудется
перед рассветом рухнувший дом
и, как вдова, безутешная улица —
в миг этот первый,
с горем вдвоем.

Что там ни сбудется,
что ни исполнится,
стоит палаток вспомнить ряды,
снова нам руки братские вспомнятся,
что удержали
над бездной беды...

Как я бродила тогда в этом городе
с сердцем, разбитым, как эти дома,
в муке молчания, в горестном говоре
общую боль
испивая до дна!

Гром из-под ног
голосом рока
сон наш до срока
грозно пресек.

Швы разошлись
в мирном убежище,
в грохоте, скрежете
разом
вчерашняя кончилась жизнь...

Слышу зловещее это гудение
и материнской тревоги слова,
дрожью ребенка в полуночном бдении
снова на миг

наполняюсь сама.

Взор мой скитался — бродячее пламя —
среди обломков, трещин, руин.
Наше былое и наши планы
словно обрушились в миг один...
Город мой древний, предков наследство,
ты ль еще это?

Как же забыть нам братскую помощь,
око прожектора в душную полночь
и экскаваторов добрый гром,
братские руки, что из развалин
снова наш город к жизни воззвали
и возвратили

рухнувший кров!..

Вот я, как прежде, брожу в этом городе,
прямом, как водопад с горы,

по не встречаю в уличном говоре
п отголоска горькой поры.

Улицам новым — трагедии сверстницам —
долгая, светлая юность дана.

Окна, как очи влюбленные, светятся —
это любовь

заселила дома!

...Тою неожиданно страшною ночью
мы увидали,

мнилось,

воочью:

нашей судьбы закатилась звезда.
Недра взревели, спавшие немо,
горе, как снег, нас осыпало с неба,
в сердце хозяйкой осела беда.

Но, обезумевшим силам переча,
родина наша подставила плечи,
ночь

к нам впустила беду, разоря, —
дружба в наш город вошла,
как заря!

...Пусть не случится беды повторенья.
Если же встанет над ясностью дней,

город мой милый, город мой древний,
ты устоишь перед ней!
В дружном усилье
верные руки тебя возводили.
Вложено сердце в дома.
Башни, как песни, летят в поднебесье!
Строки той песни
я повторяю сама.
Гляжу — и солнце слепит мои очи...
А в ароматной ночи,
город мой милый, город мой отчий,
окоп ловлю я лучи.
Точно жемчужины падают в руку —
и растворяются... пусть!
Я не дарила ни дочке, ни внуку
столько светящихся бус.

Братя-строители!
Подвиги ваши
передо мной наяву:
точно по Волге,
Днепру
или Вахшу,
реками улиц плыву.
То, что подсказано жизнью самою,
просится в песню мою.

Реки сливаются в мощное море,
братья — в большую семью.
Тем,
    что строили радостный город,
будем гранить без конца
памятник вечный, памятник гордый —
памятник в наших сердцах!

ДОРОГА В ПОЛЕ

Когда ты, впечатленьями полна,
Легко идешь дорогой полевою,
Твоя душа — степная целина —
Так страстно хочет зашуметь листвою.

На целину, как бы на полотно,
Художник-жизнь кладет такие краски,
Что солнцем все в тебе озарено
И время движется быстрее, чем в сказке.

Вилась дорога раньше среди скал,
Ты шла, пространства прелести не зная,
Внезапно горный прогремел обвал,
И широко открылась даль степная.

В тебе сверкнула утренняя рань,
Вода в твоих каналах заблестала,
Ты вновь легка и молода, как лапша,
И вновь пора цветения настала.

Изменчив осенью полей наряд:
То темным, то зеленым был давно ли?
А нынче он как снег. И говорят,
Что поле хлопка это битвы поле.

С природой человек вступает в бой,
И чем сильнее и грознее схватка,
Тем ярче и вольнее мир живой
И дышится нам весело и сладко.

Порою с морем поле мы сравним,
Гиперболу, наверно, допуская,
Но мы глядим: простор необозрим
И ширь степная — словно ширь морская.

Гумно. Хирман. Когда-то здесь гора
Белела — добрый знак рабочей чести.
Теперь ссыпают хлопок в бункера,
Не оставляя ни на миг на месте.

Под каждый бункер (время-то не ждет!)
Автомашин подставляет кузов

И доставляет прямо на завод
Белейший, драгоценнейший из грузов!

...Ступай, дыши прохладой полевой,
Учись, чтобы твой разум не заржавел:
Здесь человек вступил с природой в бой,
Но и себя, и землю он прославил.

Из хлопковых коробочек вокруг
Выглядывает жемчуг — крупный, цельный,
И ты с восторгом постигаешь вдруг,
Что выработка дня равна недельной!

Тогда-то цену познаешь труда,
Задав себе вопрос, ты ждешь ответа:
Всем существом знавала ль ты всегда
Зимы суровость и жестокость лета?

Пусть на родной равнине долог зной,
Пусть холод леденит ее дыханьем,
Мы обладаем чудною казной —
Тем золотом, что дарит нам дехканин!

О Зухраджан, на корабле твоём
На голубом позволь и мне трудиться,
Тебе я буду подражать во всем,
Твоя помощница и ученица.

Увидев брови сросшиеся, пыль
На косах, отливающих каштаном,
Пойму я: открывается, как быль,
Нам красота в сиянии нежданном.

И хлопок, озаренный светом фар,
Тобой зажженных в тихий час заката,
Я соберу, как ты, и вспыхнет дар
В душе, и стапу я стихом богата!

ОЖИДАНИЕ

Мучительная тайна ожидания,
Протянутые в будущее руки...
Терзайся, приобщенный к этой тайне,
И не спеши избавиться от муки.

А день за днем
Огнем надежды грейся,
Вверяя ослеплённо, но не слепо
Себя всему, чем исступленно грезил,
Что боль живая, а не мертвый слепок.

ЗАКАТ

Говорят, что прекрасен закат.
Вот и я с ним столкнулась в пути.
Говорят невпопад, наугад,
что он лучше рассвета почти,

что он глаз, как рассвет, не слепит, —
отчего же так больно моим?
Говорят, что огонь его спит, —
отчего же пылаю под ним?

Говорят, он, бесстрашный такой,
не боится заоблачных круч.
Отчего же повсюду щекой
ощущаю живой этот луч?

Говорят, его жизнь коротка.
Говорят, что он символ конца.
Говорят, что закат и тоска —
два синонима, два близнеца.

Отчего же ты песен полна,
повидавшая виды душа?
В платье осени поздней душа
даже больше еще хороша!

Нет мне дела до прожитых дней
из оврагов, садов и дорог.
На закате острей и сильней
рвется сердце опять за порог.

Что прошло, стороной обошло,
что пришло, подытожив пути,
только жизнью меня обожгло
и поможет закат обойти.

ТОСКУЮ СНОВА ПО ВЕСНЕ

Тоскую снова по весне,
как этот куст, как эта почка.
Тоскую снова по весне
душой, иссохшейся, как почва.

Еще ты у зимы в плену,
земля, но лоном жарким, нежным,
как сердцем жадным — я, весну
зовешь с цветеньем яблонь снежным.

И, песней плен зимы круша,
даря земле ее впервые,
на крик срывается душа,
приемля муки родовые.

Весна! Устав от зимних снов,
от беспощадности суждений,
хочу весенних легких слов,
где безобидный свет без тени.

О закрути, разбереди,
весна, как в юности, в начале!
И от меня отгороди
собою все мои печали.

ЗЛО

Властно

мрак всю землю охватил,
Все лучи, все искры погасил он,
Только этих маленьких светил —
Глаз моих —
он потушить не в силах.

И спешит молчание помочь,
Изловчась, все заглушает звуки.
Непроглядна
и безмолвна ночь,
Мрак и злость,
и ревность,
месть и муки...

Тяжким грузом плечи истомит,
Но моей он воли не задушит,
Искрошу я этот полог тьмы,
Все, что им содеяно, разрушу!

Пусть лишь мрак услышал голос мой,
К людям моя радость
все ж пробьется!

...И еще раз
по ресницам
боль,
Как свинец расплавленный, прольется...

У ПАМЯТНИКА

Умру — встану рядом.

К моим тридцати,
Ослепшим от слез, пусть вернут меня в камне,
Чтоб вместе нам вечной дорогой идти
Под взглядами, звездами и облаками.

МИРАБ

Светает в поле. Побледнели тени,
Прозрачнее ночной сурьмы накрап...
Склонился, став на старые колени,
Над водами бурлящими мираб.

Вода, вскипев, прорвала тут преграду.
Он чинит... Глину смыл с усталых рук
И смотрит вдаль. И кажется, от взгляда
Коробочки набрали силу вдруг.

А на дороге жизнь уже грохочет,
Машины пробегают что ни миг,
Гудит над ними самолет...

Старик

Не слышит шума. Знать его не хочет.

Он смотрит пристально и зорко по привычке.
Как море — поле. Полю нет конца.
Бороздки словно темные косички
Вкруг внучкиного милого лица.

Что мудрому все это грохотанье?
Мечта мираба где-то там, вдали.
А здесь — родных сынов его создание,
Просторы обработанной земли.

И вот грядущее его тревожит:
Хорош ли будет в летний зной полив?
Порадует ли осень?
Иль, быть может,
Ударит град, посевы погубив?..

Не о своем он думает почете.
Что старику награды и почет?
Душа его в единственной заботе:
Что весь колхоз, детей и внуков ждет?

Печется он об этом ежечасно,
Работает, грядущее любя...
...И что еще на свете столь прекрасно,
Как мысль о будущем не для себя?

ОТКРОЙТЕ ОКНО!

Только снег на вершинах отсюда я вижу,
Пододвиньте кровать к голубому окну.
Белый снег... Белизну я сейчас ненавижу,
Дайте я на зеленую землю взгляну.

Все деревья, как девушки, чисто умылись,
Причесались, надели наряд из парчи,
Руки-веточки солнечно зазолотились,
Словно к небу с земли потянулись лучи.

День весенний идет, как художник всесильный,
На урюк он легчайший румянец кладет,
А гранату он дарит багрянец обильный —
И меня пусть вниманием не обойдет!

Пусть к лицу не пристанут весенние краски,
Так хотя бы дыханье весны! В вышине
Мной воспетые птицы поют без опаски,
Пусть хотя бы их песни ворвутся ко мне!

Сердце музыки жаждет, — окно распахните!
Легким хочется ветра, — раскройте окно!
Ничего нет целебней весенних событий,
Ах, простите, окошко раскрыто давно.

Это душно и тягостно мне от болезни,
И постель — то как снег, то как белый огонь...
Залетают в окно соловьиные песни,
И цветы осыпаются мне на ладонь.

ГОСТИ ЯВИЛИСЬ ..

Откройте,
Откройте окно перед нами,
Чье имя
Не сразу найти мне дано...
Весенние вестники?
Гости залетные?..
Вот они! Вот они!
Сестра, распахните пред нами окно!

Весна чуть намечена голубизною
На тонких сучках, на земле, на карнизах,
В сиреневых почках, очерченных хрупко.
Откройте окно
Перед парюю сизых,

Пронизанных светом, любовью, весною!..
Воркуют они — голубок и голубка.

Откройте окно!.. Я услышу их ближе,
Весну ощущающих раньше нас всех,
Их грудки крутые, их перья увижу.
Я вторгнусь в их мир! Разгляжу их обличье...
Откройте окно!
Не такой это грех —
Упиться весеннею радостью птичьей!

Быть может, за легкими их крылами
Желанной, единственной песни пламя,
Той песни, что я ожидаю давно.
Откройте окно!
Или нет — погодите!..

А вдруг мы спугнем это вешнее диво?
Любовь, как весна, и робка, и стыдлива
У всех на земле и во все времена.
Пусть гуляют привольно, их счастье —
в зените...
Не надо, сестра, открывать окна!

ДОКТОР!..

Доктор! Вы сказали: в легких — дело,
Легкие — простужены, больны...
Чтоб в груди стихотворенье зрело,
Легкие, конечно, мне нужны.

Что ж, на медицинском небосклоне —
Много звезд... Является сюда
Что ни день, то новая звезда,
Смотрит, изучает всесторонне.

«Шумы в легких!.. Да и кровь, на горе,
Слабовато борется сама»...
Доктор!.. А быть может, корень хвори
В том, что в жилы ворвалась зима?..

Если кровь бурлит и жаром пышет,—
Легкие легко и вольно дышат...

Доктор!.. Что там ни вливайте в вены —
Снадобья, надежду... даже кровь,—
Все ж законы жизни неизменны,
Молодость к нам не приходит вновь.

* * *

Словно снег осыпается с белой луны.
Словно пар опускается с неба.
Тридцать дней пролетели.
Начало весны.
Тридцать дней моих были — и пету.

Мне взлететь бы, как этот таинственный снег,
и над временем и над недугом.
Только легкости давней покудова нет —
нынче тело командует духом.

Тридцать дней!..
Целый месяц бесценный прошел.

Кто же скажет мне, сколько осталось?
Сколько дней и минут?..

Безучастным ножом
не кромсай—
   подожди, моя старость!

СОЛНЦУ

Солнце!

Из когтей жестокой ночи
Вырвалась я к милости твоей.
За окошком — все нежней, все кротче
Гулит пара сизых голубей.

Жизнь блистает в красках небывалых
Преодо мной, томившейся впотьмах.
Солнце, ты играешь на руках —
От болезни бледных, исхудалых,

Овеваешь волосы и лоб
Золотыми, теплыми крылами...

А давно ль меня терзал озноб,
Изо льда меня бросало в пламя?

Но, опять признав меня как друга,
Солнце, ты даруешь благодать
И остатки моего недуга
Обещаешься у врачевать.

Дышит аромат фиалок слабый,
Комната сияет белизной...
Друг мой Солнце!..

Уступить могла бы
Я тебя лишь вечности одной!

БЕССОННИЦА

Ночей и дней добрососедство...
Но где-то затерялся сон,
Ушел в песок, и мне в наследство
Бессонницу оставил он.

О ночь, я у тебя в неволе,
Мне тяжела сплошная тень,
Но о моей не знает боли
С тобой соседствующий день.

Клянущу тебя и умоляю,
Гоню тебя из дома прочь,
И все-таки благословляю
Тебя, мучительница ночь!

Мне за мое долготерпенье
Даруешь — что ни говори —
И радостное вдохновенье,
И предвкушение зари.

Ты достаешь из тьмы природы
Все драгоценности свои,—
И вижу я былые годы
Незабываемой любви.

Легко ли, если ночь бессонна?
Но, час рассветный обрета,
Я улыбаюсь изумленно,
Как выспавшееся дитя.

Мне всякий раз, когда светает,
Блаженно чудится в тиши.
Что тьму не утро оттесняет,
А тихий свет моей души.

ГОДЫ, ГОДЫ...

Вот и осень моя убывает,
Зимний холод сжигает меня.
Я не знала, что холод бывает
Ненасытней любого огня.

В дни, когда моя жизнь пламенела,
Разве знала подобную боль?
Белый иней ложится на тело,
Как на рану открытую соль.

Я с холодной зимой в поединке,
Плачу — слезы мои не текут,
Превращаются в острые льдинки
И лицо постаревшее жгут.

Годы, годы... И я содрогаюсь,
Как подбитая градом листва.
Неужели я с жизнью прощаюсь
И душа моя тлеет едва?

Или все мне приснилось в больнице,
И цветут за окошком сады,
И со мной никогда не случится
Этой самой последней беды?

Ах, больничная белая койка,
И озноб, и тоска... Все равно
Хоть и сердце не камень, но стойко
Перетерпит и это оно.

СПАСИБО!

Стихи, со мною бывшие в больнице,
С удушьем и ознобом наравне,
«Спасибо» молвить помогите мне
За доброту, что может только сниться.

Мы вместе с вами скажем «благодарствуй»
За легкие прикосновенья рук,
Они, как наилучшее лекарство,
Случалось, исцеляли злой недуг.

О, как порой дышалось тяжело!
Лежу недвижно в душной полудреме.
А голос рядом все нежней, знакомей.
И, словно сквозь прозрачное стекло,

Там, в вышине,—
я ощущаю это! —
Пробилась струйка воздуха и света,
И, дрогнув, отступили страх и зло.

...В палатах спят.

У самых трудных даже,
Хоть ненадолго, боль приглушена.
Лишь вы одни, не знающие сна,
Лишь вы, о сестры, день и ночь на страже!
Не только шприц и белая таблетка,
Оружье ваше — нежность и тепло.
Вот и мое страданье отошло,
Я поправляюсь... Опустеет клетка...

И я на волю вылечу... Пора!
Спасибо, милосердная сестра,
За то, что, сидя здесь, у изголовья,
И не смыкая воспаленных глаз,
Вернули мне сокровища здоровья,
Что я могу стихи писать сейчас
Любви, терпенью вашему во славу.
Да будут, сестры, ваши сны легки,
Как наша благодарность, как стихи,
Что вам одним принадлежат по праву.

ДОРОГИЕ ЧУВСТВА

ВЕСНА

Где снег? Бесследно звездочки его
Исчезли, как мгновения былого...
Младенческого света торжество
Душа весною излучает снова.

Шалют, как дети, в небе облака.
Ну а земля чарующе нарядна,
Душе подростка, сердцу старика,
Поверьте, одинаково отрадна.

Исчезли зеркала — ни льдинки нет.
И возраст человека в день весенний
Определяется не мерой лет,
А мерою счастливых потрясений.

Нас радует и розовый миндаль,
И птаха неказистая, и даже
Вплотную приближается к нам даль,
Опережая ожиданья наши.

Весна! И каждый хлопковый росток,
Мне кажется, взойдет не только в поле,
Но и в моей груди, на грядках строк,
Исполненных и нежности и воли.

Весна у нас в глазах отражена,
Ее волна втекает в наши вены,
Когда бы в мире не цвела весна,
Весну мы сотворили б непременно!

ВНУК

Черноглазый внук влетел, точно вихрь, ко мне,
Вырвал лист из-под пера, змея смастерил,
И уже бумажный змей реет в вышине,
Тянет в небо малыша изо всех он сил.

Но не выпускает внук летуна из рук,
Хоть бечевку на себя дергает с трудом.
Оторвавшись от стихов, я гляжу, как вьук
Твердо на земле стоит в дворике родном.

Он точь-в-точь как дед его, боек и смышлен,
И черны до синевы и вихор и бровь,
Вечным, кажется, огнем переполнен он,
Точно в жилах у него солнце, а не кровь.

Оставаясь на земле, рвется в небо змей,
Словно мысль моя, малыш, о твоей судьбе:
Что за дерзкая мечта есть в душе твоей?
Что ты будущему дашь, что оно — тебе?
Если б не было у нас дорогих внучат,
Мы не знали бы, как жизнь и любовь звучат.

ПЛАКУЧАЯ ИВА

Среди голых деревьев — плакучая ива,
Как поэта мечта, и ярка и вольна,
И кудрями Меджнуна она справедливо
Названа — так любви одержимо верна.

Здесь какой-то старик, красотой упоенный,
Отдыхает от тягот зимы и утрат:
На плечах старика то ли дождик прозрачно-
зеленый,
То ль весны изумрудно-прозрачный халат!

Это нежная ива в низжайшем поклоне
Тянет губы и руки к земле дорогой,

Чтоб губами прильнуть к ее щедрой ладони,
Чтоб погладить кормилицу влажной рукой.

Жизнь дарует земля и деревьям и людям.
Разве землю свою покидает народ?
И в раздумьях о мире, о боли и чуде,
Верность почве храня, эта ива живет.

Разве верность нуждается в чьем-то участие?
Если б не было верности, не было б счастья.

САДЫ

Сады моей родины в дружном цветенье:
У каждого дерева повесть своя,
Свой опыт и прав. Но любое растенье
Живет, от другого забот не тая.

У веточки каждой свой путь непреложный,
У каждого цветика свой аромат,
Но служат друг другу опорой надежной
Деревья, как брату любимому брат.

В садах моей родины дружные весны,
Не знаю, какой мне милей уголок!
Здесь каждая пядь, как сосуд кровеносный,
Питающий каждого сердца цветок.

Тревожится брат — и не спится другому,
Без хлеба один — не поест и другой.
Свет этому саду! Мир этому дому,
Где нет ни души без опоры благой!

Все судьбы — единого целого части,
Я знаю: без дружбы немислимо счастье.

МЕЧТЫ

Мне кажется порой: мои мечты
Никак не могут воплотиться в дело,—
Так мало времени, так много суеты,
И так я недостаточно успела!

Я выпила, взболтав, словно кумыс,
Земного счастья и несчастья море,
Но не насытилась,— моя витает мысль,
Словно корабль, в космическом просторе.

То на Чарвакской ГЭС звенит мой стих,
То сею хлопок я в Талимарджане,
И хлопок вырастет, белей белков глазных,—
Не это ль исполнение желаний?

Но никакой мечте предела нет,
Она всегда, как горизонт в дороге,
И равен вечности желаний наших свет,
И нет конца живительной тревоге!

Когда бы не было взыскующей мечты,
Не достигало б счастье высоты.

ТРУД

Временами и спится мне худо,
И волнуюсь из-за пустяка,
В голове возникает запруда,
Загрязняется мысли река.

Я в обиду вхожу, словно в тину,
Захлебнусь, но припомню опять:
Над железом отцовскую спину
И всегда терпеливую мать.

Точно так, как отец мой когда-то
Отливал наконечник сохи,
Вновь тружусь от зари до заката,
И слагаются в строфы стихи.

Что ни слово, то пласт мой целинный,
Что ни строчка, то снежный обвал.
Но уже молодой, соловьиный
Сад возвращенный восторжествовал!

Труд — дитя нашей мысли и страсти,
Без него мы не ведали б счастья.

РОДИНЕ

Учила ты: в слезах нет прока,
Строга, как с дочерью, со мной,
Но не слыхала я попрека,
Как и от матери родной.

В беде и счастье я с тобою,
И песнь моя — тебе родня.
Воспламенюсь — зальешь водою,
Угасну — вновь зажжешь меня.

Дивилась всякому я чуду,
Чужой листве, реке чужой,
Но отовсюду, отовсюду
К тебе стремилась всей душой.

О родина, я, как заклятье,
Твержу один и тот же стих:
Не отвергай моих объятий
И не лишай меня своих!

Без родины нет на земле
Ни солнца, ни звезды во мгле.

ЯБЛОКО

Течет вода вся в разноцветных бликах,
Со светом перемешана она
И, как тропа в грядущее, ясна.
Эй, девушка, не покидай арыка!

Гляди-ка: яблоко несет волна,
Подбрасывая ртутную ладонью;
Как розов бок один и желт другой!
Как хочешь, по обычай есть такой:
Скорей пустись за яблоком в погоню
Да брось в того, кто отнял твой покой.

А если плод заветный не добудешь,
Умчится яблоко в водоворот,
И тщетно вслед ему глядеть ты будешь,—
Само к нам счастье в руки не плывет.

ПРИНЕСЛИ БУКЕТ ЦВЕТОВ МНЕ ДЕВУШКИ

Памяти Айдын Сабировой

Принесли букет цветов мне девушки,
Хрупких, словно сон у престарелых.
Принесли букет цветов мне девушки,
Красных, словно кровь, как утро, белых.

В вазу я букет цветов поставила,
Чтоб они как можно дольше жили.
Вижу: стихотворное послание
Девушки в букет цветов вложили!

Добрая строка строкой сменяется,
Я такое чувствую волнение,

Будто я — земля, и начинается
Неожиданно землетрясение.

Я дрожу, смятением охвачена:
Разве я похвал таких достойна?
Я и смущена и озадачена:
Ну-ка поразмыслию я спокойно!

Может, потому хожу в любимицах,
Что в грядущее дорога ваша
Мне, как чаша розовая видится,
Полная любви и света чаша.

ЛОДКА ЖИЗНИ

Лодка жизни моей все плывет, все плывет,
Если даже я весла брошу,—
За вершиной вершина, за годом год
Позади остаются все же.

Что узнала, что видела, все дела
Захлестнуло время волною.
Нет, недаром в весну мою осень вошла,
Простушила в лице желтизною!

И однако же кровь, как была, горяча,
И челнок мой несется ходко.
Нынче чья-то радость,— кто знает чья? —
Точно кормчий, ведет мою лодку.

Судьбы многих людей, моей силою став,
По волнам несут белогривым...
Тот, кто счастлив, тот сам и силен, и прав,
Но расстаться ли с несчастливым?!

— Горе сбрось— говорю,— если с горем пришел!
Все на плечи взвалю, одолею!
Кормчий! Видишь, груз теперь не тяжел:
Двое нас! Полный ход!.. Смелее!

ЮЖНАЯ НОЧЬ

Лучей дневных последний взмах,
И стих курортный гул.
На низких южных небесах
Свет первых звезд блеснул.

В туман закуталась река,
Зубцы вершин и скал...
Но — миг... И бор издалека,
Белея, засверкал.

Туманы тихо разошлись,
Открылся небосвод,
И сосны-свечи смотрят ввысь,
Где лунный лик плывет...

Все спит вокруг... Но в этом сне
Жизнь все-таки слышна,
Она в сторожке тишине,
В листве затаена.

Слагают жизни тайный гимн
Деревья, присмирев.
Уснули птицы. Снится им
Предутрепный напев.

Смотрю с балкона, с высоты
На узкий лунный путь.
Трепещут иглы и листы,
Река блестит, как ртуть.

Луна бросает на меня
Серебряную нить.
Да, эта ночь сиянью дня
Не хочет уступить!

Неужто не спастись из тупика глухого?..
Покорно уступить?! Погибнуть неужель?!

Желанье жить росло в душе неудержимо.
В родник живой воды преобразился лед.
И сердце расцвело, забыв печали гнет,
Как по весне земля позабывает зиму.

Кипят в ее душе и радость, и восторг.
Пускай от детскости былой следá нет,
Но жизнь опять полна, но жизнь, как прежде,
мáнит.

Блистая и бурля, влечет ее поток.

О люди!..

Вновь душа ее сильна, тепла.
Она бы не смогла и помышлять о чуде,
И радость вернуть вовеки б не смогла,
Когда б не мать-земля.

Когда б не вы, о люди!

* * *

Счастливую любовь он воспевал, мой саз.
Смерть занесла кинжал, и песнь оборвалась.
Как лед разлуки стал мой потускневший голос.
Неужто цвет увял и пламень мой погас?!

РАДУГА

Иду по дороге
В дыханье весны.
Тюльпаны вокруг
Разбрелись просторно.
Горят,
Переливчаты и красны,
Как будто
Спелых гранатов зерна.

Внезапно туча —
Литой стеной.
Ветер. Ливень
В полный рост.
Но тут же природа

Рукой озорной
Цветной
Предо мной
Изогнула мост.

Мост?!
Да ведь мост мне нужнее всего!
Тюльпаны,
Весну,
Как запас хлеба,
С собою беру,
И — о торжество! —
Дорогою песни —
Радугой
В небо!

С цветного кольца
В самый жар чудес,
В людские сердца,
В глубину небес!

Радуга!
Ты словно Завтра великое!
О долгожданная!
О семиликая!
Точно из сказки
Предстала, пресветлая,

Новые краски
Сулишь, семицветная!
Сердцем ликую, дышу, живу
И по тебе плыву
Наяву —
Коли такое мне счастье дано! —
Вверх,
Как в замедленной съемке кино.

Иду.
Каждый шаг мой
Волшебно-нов.
Иду сияньем
Семи поясов.
Плавно ступаю
По самому краю,
Всем существом своим
Счастье вбирая.

Радуги радость,
Живую струю,
Будто бы младость
Глотаю, пью
Сердцем,
Губами сухими,
Глазами...

Чувств молодых
Разгорелось пламя!

Вверх поднимаюсь
Почти без усилий.
Чую: бесследно исчезли,
Сплыли
Годы былые
В лучах семицветных...
Пусть исчезают навек,
Хоть нет в них
Лжи,
Очерственья,
Жестокости,
Все же
Есть в них печали,
Что душу гложут...
Прибыло силы.
Пут не осталось.
Радуга смысла
Грусть и усталость.

Иду.
Сверкают мои пути.
Путем народа
Хочу идти.
Как солнце путь моего народа.

Деянья его — словно звезд лучи.
Не им ли множатся
Год от года
В зданье бессмертия кирпичи?!

Счастье,
Печали
С народом слиты.
Жить бы и дале,
Как мне велит он!
Только бы мне наконец удалось
Жизни его ощутить ось,
Песен гирлянду сплести
В его честь...

Что ж, у народа сердце не счесть!
Может, войду не в одно, так в другое...

Благо, перо не просит покоя.
Отдых мне чужд, как старость чужда.
И не семью — семистами сияний —
Радуга в дали влечет и манит
К тайнам,
В неведомые места.
Одолевать велит перевалы:
«Дальше еще шагни, поспеши!
Обогатись красой небывалой,

Да утолится жажда души!
Глубже вдохни семицветный пламень!
Сплывь его в звонкое стихотворение!
Знаешь сама: лишь пустое мгновение
Сердце томит, словно тяжкий камень.
Знаешь сама, что людское признание,
Каждое к людям дошедшее слово
Душу от зла ограждает заранее
И горячит ее слова и снова».

С миром слияние — колдовство...
Не упустить бы мне ничего!
Мне бы изведать, измерить ныне
Силы, живущие в человеке:
Видеть, как золото ищут в пустыне,
Как приручают дикие реки...

Радуга!
Выше меня подними!
Я — среди сияний твоих семи,
Все же дорога моя — прямая.
Небо в нее вошло
И Земля...
Иду,
В потоках твоих бурля...
О, сколько песен собрать должна я!

ГОВОРЯТ..

Говорят, что слава озарила
Раненную влет судьбу мою:
Горе, как свинец, в груди таю,
А глаза глядят с веселой силой.

Говорят: она, мол, чашей счастья
Женского — увы! — обпесена,
Но иною обладает властью,
Разве не счастливица она?

Что — свинец?!

Порою четверть века,
Не ржавея, он лежит в груди.

В мире, окрылившем человека,
Всюду счастье, где ни погляди!

Но судьбы не знавшие богатой
Боль ущерба смогут ли понять?!
Сердце, цветшее в любви когда-то,
Разве сможет расцвести опять?!

В чем же счастье наше?..

Все ж по праву

Я слышу счастливицей, друзья,—
Я с народом разделяю славу...
Этим и светла судьба моя.

ВЕЧЕР НА РЕКЕ

Поднялась луна из-за горы,
Берег озарив мало-помалу.
Посреди причудливой игры
В зеркало реки
  луна упала.

И очнулась я, пробуждена
Речкой, ветерком,
  иной ли силой?..
Встречу с ним напомнила луна,
Душу мне волнение стеснило.

НЕНУЖНЫЕ ВОЛНЕНИЯ

Ненужные волнения рассей,
А не рассеешь, подчинюсь покорно.
Со дня разлуки столько долгих дней,
А я все жду, все жду тебя упорно.

Ты, словно мною выращенный сад,
Меня плодами наградивший втрое.
За муки, радости (не счесть наград!)
Навеки я в долгу перед судьбою.

От лишнего волненья огради,
Отраву жгучую не лей мне в жилы!
Скорее раны исцели в груди,
Чтоб снова я стране моей служила.

ДОСТАНЬ МНЕ СОЛНЦЕ!

— Кусочек солнца я тебе достану,
Как сердца часть дарю тебе сейчас.
Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб знала ты: твой пламень не погас!

Кусочек солнца я тебе достану,
Чтоб взбушевал огонь в твоей крови,
Чтоб ясный взгляд искрился неустанно
И щеки розами цвели твои!

Кусочек солнца я тебе достану.
Да будет ярок твой жемчужный смех!
Ты вспомни путь свой по Узбекистану:
Как сладостно ты окрыляла всех!

Кусочек солнца я тебе достану
(Возможны ль бейты об одной строке?!),
Чтоб сердцу разъяриться, как вулкану,
Дарить огонь и в счастье и в тоске.

Кусочек солнца я тебе достану!
Пусть над тобой струит он теплый свет!
Храпи его, подобно талисману,
С частицей сердца моего...

— Нет! Нет!

Не слишком ли мелки твои расчеты?!
Что делать мне с единственным куском?..
Уж если велики твои щедроты,
Так подавай все солнце целиком!

Все, все отдай!.. Слей пламя воедино!
Огонь и страсть не делят пополам!
Однажды приняла я половину,
И на душе навек остался шрам.

Мне мощь нужна для крыльев, для полета,
Ведь встречных ветров на земле не счесть!..
Уж если ты способен на щедроты,
Так подавай мне солнце — все как есть!

Достань мне с неба жаркое светило!
Пусть излучает радость каждый стих!
И да наполнит солнечная сила
Друзей моих, читателей моих!

НЕВЕСТУ ПРИВЕЗЛИ

В соседский двор невесту привезли.
Весь день звучат сурнай и карнай,
Два юных сердца жителей Земли
В единую мелодию сливая.

То старина, то юность всем слышна
В прозрачно-тонком голосе свирели.
Во двор влетела свадьба, как весна,
Цветы весны в душе зашелестели.

Да славятся невеста и жених!
Прекрасна тяжесть свадебного трона...
...Все тяготы пусть делят на двоих!
Да будет радости вдвойне у них!
Да длится миг свиданья окрыленный!

НА ЗЕМЛЕ Я РОДИЛАСЬ...

Хоть на земле родилась я,
Но птицею меж туч скольжу.
От солнца отделилась я,
Огонь его в руках держу.

Судьба моя зари светлей,
Хотя глаза вобрали мглу.
Мое перо в руке моей
Подобно верному веслу.

Стихи, написанные мной,
Парят в стихии, мне родной:
С Земли взмывает серебром
То, что начертано пером...

В мир устреми открытый взор!
Заря — как вспыхнувший костер.
Светлее солнца и зари
Жизнь человека, посмотри!

Не знает жизнь, что значит лень,
Ночь светит, звездами блестя,
И набирает силы день
Во чреве почвы, как дитя.

Кипучи дни и вечера.
«Сегодня» краше, чем «вчера».
И жизни каждая пора
Как чаша свега и добра.

И я, родившись пред зарей,
Благодарю за то судьбу
И не хочу, чтоб мрак седой
Взобрался на мою арбу.

Хоть жизнь моя уже чинар,
Я преклоняюсь пред травой:
В ней юности исток живой
И песен вдохновенный дар!

В ГЛАЗАХ — ЗВЕЗДЫ..

«Твой лик лучисто-светел, как восход.
Не солнцем ли твое лицо омыто?
Чуть только взгляд красавицы блеснет,
Душа надломленная оживет.
Не звезды ли в очах твоих сокрыты?»

Здесь, в Азии, лучи растят дитя,
Девчурке с детства радости пророча,
И вот она цветет, как день, светя
И ночи двух миров
вбирая в очи.

Чтоб подчеркнуть со звездами родство,
Зовут ее в газелях — «луноликой»,

Красавица являет колдовство,
Любовью обвита, как повиликой.

О, эти очи! В них и свет, и тьма!
Их чары не обман, не наваждение!
Здесь ни при чем индийская сурьма,
Нет, волшебство дано им от рожденья!

Огонь врожденный! Может быть, в ночи
Две звездочки в зрачки упали с детства.
Сожгли коварство звездные лучи,
Лишь верность им оставили в наследство.

Как зеркало, как чистое стекло
Блестящий взгляд, улыбка смуглолицей.
Что на сердце, все отблеск в них нашло:
Печаль туманится, восторг искрится...

Но есть во взоре этом рубежи,
За ними боль, обиды, зло земное,
Вращенное во мраке паранджи.
Глубины глаз — что озеро ночное.

О сокровенных тайнах тех глубин
На разных языках поэты пели.
Проникнуть в них пытался не один,
Но лишь немногие достигли цели.

...Ласкал азийских девушек рассвет,
Он пеленал их теплыми лучами,
Но лишь теперь, с приходом новых лет,
Красавицы забыли о печали.

Народ — хозяин на земле своей,
И наши дочки — яблони весной.
Огонь в очах горит еще сильнее,
Струит сиянье «озеро ночное».

И впрямь как звезды девичьи глаза,
Они превыше всех похвал поэта,
А если в них порой блеснет слеза,
То разве без дождя бывает лето?..

В ПИНЕЛИ И С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

«Мы тесним врага все с той же силой.
Вдохновляет нас великий гнев...
Что же ты не пишешь?.. Позабыла,
Длительной разлуки не стерпел?»

«Не пишу?!» О, сколько я писала!
Нежным письмам не было числа!
Но для чувств моих бумаги мало,
Ведь любовь в разлуке возросла.

«Позабыла?!» Разве я из камня?!
Верь, для сердца нет пути назад!
Нынче каждая звезда близка мне:
Гляну в небо — вспомнится твой взгляд.

По тебе тоскую, мой любимый!
Вспомни, милый, о моей судьбе!
Да, разлука стала нестерпимой,
И сегодня еду я к тебе!

...Позади земля Узбекистана!
Ива тонкая, джида, прости!..
Тосковать о родине я стану,
И сейчас я слезы лью в пути.

«Где же он?» — взываю к птичьей стае.
«Близко!..» — отвечают голоса.
Гладят волосы мои, лаская,
Светлые России небеса.

Милый! Буду я с тобою рядом.
Станет нежная рука стальной.
Если я сражу врага снарядом,
Родина гордиться будет мной.

Тем, что боль разлуки одолели,
Нипочем опасности и страх!..
Скоро я приду к тебе — в шипели,
С боевым оружием в руках.

КАПЛИ БЕСКОНЕЧНЫЕ

Камилю Яшену

Ночь.
И снова — бессонница.
Нервы напряжены.
Что-то вот-вот тронется...
Что-то стучит в оконницу.
Рвется из тишины.

Что там? Хочу понять.
В слух обращаюсь. Так ли?
Вот опять и опять
Точат ночную гладь,
Падают мерно капли.

Прядает тишина.
Падают семена,
Каплют в ночное лоно,
Чертят за кругом круг.
Темен их перестук,
Но подчинен закону.

Этот закон — ритм.
Время его творит...
Капли все полновесней,
Ярче, звонче, крупней,
В двери души моей
Дерзко стучатся песней.
Повелевают круто:
— Шире открой тетрадь!

Слушай! Бери! Не трать
Золотые минуты.
В каждой — времени зов...
Время властно и жестко
Ждет от тебя — хоть горстку! —
Достойных его плодов!

ПРОТЕСТУЮ!

Зачем, породив меня слабым созданием,
Любовь ты дала мне большую такую?!
Нигде не найдя исцеленья страданиям,
С израненным сердцем жила, протестуя.

Зачем, одарив меня счастьем когда-то,
Да так, что вздыхали от зависти люди,
Мгновенным ударом все, все отняла ты
По воле своей, по жестокой причуде?!

Что тягостней смерти?! Владычит над нами!
Ропщи, протестуй, а печаль не стареет...
Как долго я шла сквозь холодное пламя,
Сквозь пламя печали, что душу не греет!

Былой красоты не увижу опять я...
Безмерное счастье, безмерная мука —
К обоим меня ты швырнула в объятия,
Дивясь, что меня не убила разлука...

Да, сила сильнее твоего удивленья
Спасает меня и ведет сквозь невзгоды:
Я радость чужую возрастила в терпенье,
Терпения ты не дала мне, природа!

Сто счастья чужих я в душе возрастила,
Судьбою других я дышу неустанно!..
И в этом мое исцеленье и сила,
И жизнь моя снова полна и желанна.

БУДУЩЕЕ

Будущее!

Ты пред глазами моими.

Спешу,

ухватясь за подол мечты,

Навстречу тебе...

И все уловимей

Твои громоздящиеся хребты.

Все ощутимее, все родней

Гордые выси

грядущих дней.

«Завтра»!

Кто в прошлом

тебя не звал,

Радуюсь дням счастливым заранее?!
Бегу.

Взбираюсь па перевал,
Не сбрасывая
чарыги желанья.

«Завтра»!

Чудеснейшая из стран!
Тайна для нас —
твоя стать, твоя суть.

Знаю одно:

ни мудрец,
ни тиран
Не пресечет твой победный путь!

«Завтра»!

Вижу твой мощный крик.
Чем одаришь ты людей, ликуя?..
Что возрастешь?
Какая из чаш
Все-таки перевесит другую?
Что одолеет,
что встанет над всеми? —
Непогрешимое
взвесит

Время.

Наше Сегодня —
  народов пир,
Где за труды воздают с лихвою.
Светел и ярок
  сегодняшний мир.
Завтрашний мир —
  лучезарней вдвое!
«Завтра»!
  Спешу за тобой...
  Куда ты?..
Повремени!..
  Хоть минутку побудь
С нами,
  детьми эпохи крылатой,
К звездам
  впервые наметившим путь!
Нет, убегает, огнем паля..
Вечно в пути оно — как Земля.

«Завтра»!
  Постой!
  Осени мой стих!
Крыльев твоих ловлю серебро.
В небе парят они...
  Все же с них

Нет-нет
на дорогу
слетит перо.
Вон серебрится издалека...

Где я следов твоих не нашла?!
На рукавах,
На концах платка —
Перышки твоего крыла.
На беспредельном, как мир, дастархане,
«Завтра», я чую твое дыханье.
Пусть я тебя не схвачу, пусть!
В песню не заключу, пусть!
Пусть моя жизнь — лишь одно мгновенье,
И, зацепившись за выси гор,
Все ж не рассмотрит тебя в упор
Мое вдохновение,
Пусть воспоют тебя в песнях иных —
Короток существования миг! —
Те, что юнее нас, дерзновеннее.
Все же, о Завтра, тебе — хвала!..
Радуюсь, будто сама создала
Новых, великих стихов сияние.
Юность вернулась к душе моей
И все звучней, все сильнее в ней
С Временем нашим, с людьми слияние!

КОГО ТЫ ЖДЕШЬ?

На дорогу смотришь вновь и вновь.
Вижу, ты забыла о покое.
Что с тобой, красавица?.. Любовь?
Я-то знаю, что она такое!

Обещал прийти и не пришел?
Мучишься, а все же смотришь гордо.
Сердце у тебя как мягкий шелк,
Но свои слова ты держишь твердо.

Вижу, губ душистых лепестки
Пламеннее, ярче заалели.
Мечут искры гнева и тоски
Милые твои глаза газельи.

О дитя! Тебе противна ложь!
Не случилось быть тебе коварной.
Ну признайся мне — кого ты ждешь?
Как зовется он, неблагодарный?

Или, знаешь, лучше промолчи!
Надо ль называть непостоянство?!
Все бывает. Радуги лучи
Осеняют лишь на миг пространство.

Не грусти! Звезда взойдет, блестя
Для души, не знающей измены.
Верь, любовь придет к тебе, дитя!
Счастье ты отыщешь непременно!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Нагрелся воздух. Марево. Жара.
Под знойным небом развернулось поле.
Хлопчатник жадно пьет лучи с утра.
Растут кусты, тепла набравшись вволю.

А мы в тени. Под ветки, в холодок,
Заходит председатель на мгновенье.
Хоть у него достаточно тревог,
Но все же он в хорошем настроенье.

— Сегодня снова нормы превзошли
И сдали государству добрый кокон...—
Поднялся, что-то углядев вдали:
— Обед не запоздал бы ненароком!

— Заботлив наш раис, — сказал сосед, —
Все в хлопотах, дай бог ему здоровья!
Чуть что не так: работа ли, обед —
Он с помощью, с советом наготове.

В сторонку председатель отошел,
Глядит на поле: каждый кустик дорог!
А я смотрю вокруг: лучи — как шелк,
На небе облака — что хлопка ворох.

Раис уходит по дороге вниз,
И марево над ним струится зыбко...
— О всех печется добрый наш раис, —
Мой собеседник продолжал с улыбкой.

— Есть девушка у нас. Быстра, умна.
Доярка знаменитая в округе.
Стать доктором задумала она,
Учиться хочет, исцелять недуги.

Кто может нынче юным помешать?!
Цветут как розы среди большого сада.
А перед этой выросла преграда:
Не хочет слышать об учебе мать!

Как видно, правду говорит народ:
«Боль не пройдет, пока не лопнет чирий».

Не сразу созревает каждый плод,
Остались пережитки в нашем мире.

Старуха дочку мучает любя:
«Что ты придумала, скажи на милость!
Нет, птичка! В город не пущу тебя!
Живи со мною! Хватит, поучилась!»

А дочка слезы льет и день, и ночь,
В дому у них нехорошо и шумно.
Беда!.. Но девушке взялся помочь
Раис, наш председатель многодумный.

Да нет, он применять не вздумал власть,
Нет, он старуху убеждал с любовью,
С терпением. И старая сдалась:
«Пусть едет!»... Но поставила условие:

«Пусть учится. Так, верно, суждено.
Но не пущу девчонку в одиночку.
Упрямыцу отправишь в город, по...
Отправишь двух, раис: меня и дочку».

Что делать?!

Согласился наш раис.
Он приложил немалые усилия,

И мать и дочка в город подались,
Неразделимы, словно птичьи крылья.

Студентка в общежитии живет,
А мать вахтером служит в общежитье.
Да все ж в колхоз вернулась через год:
Не городская, сами посудите!

Мать разрешила дочери: «Учись!»,
Однако беспокоится немного.
Глядите, к ней направился раис:
Потолковать, унять ее тревогу...

Чтоб совладала со своей тоской,
Не помешала б счастью дитяти...
...Теперь вы сами видите, какой
Большой души раис, наш председатель!

ЭТЮД

А. С.

Зима.

Снега белы́, что облака.

Снега белее материнской груди.

Зима сияет, празднично-легка.

Прозрачность. Свежесть. Девственность.

Безлюдье.

Тончайшим снегом опушенный сук —

Как веточка вишневая в апреле.

И, как весной, душа проснулась вдруг,

И весело ей на чужом веселье.

ПУШКИНУ

Знаете, я — женщина Востока,
А у нас законы таковы:
С тем, кого мы любим столь глубоко,
Говорить положено на «вы».
Пушкин!.. Люди разных поколений
Чтут у нас ваш лучезарный гений!

И Восток поэтами гордится.
Он многообразен, наш диван:
Раб в оковах,
Пленная вдовица,
А случалось, и могучий хан,
Утомясь от безграничной власти,
Предавался стихотворной страсти.

Издавна Восток с искусством дружен.
Столько роз вместил наш старый сад,
Столько ослепительных жемчужин
Росами на лепестках блестят!
Звезды яркие у нас зажгли,
Навои, Хафиз и Фузули!..
Быть меж ними на почетном месте
Не обидно и для вашей чести.

Можно, я на миг в тот сад войду?..
Скромной тенью проскользну по следу
И послушаю, о чем в саду
Старцы мудрые ведут беседу.
Окружив кудрявого певца,
Чей глагол людские жег сердца.

Вот они: иод ароматной сенью
Не спеша беседуют в тиши.
Молвит Навои:

«Стихотворенье —
Это спутник жаждущей души...»

Я сказать ни слова не посмею,
Но, признаюсь, с детства и позднее,—
Да, в течение всех дней моих! —
Спутником моей души был стих:

Навои родного лад высокий,
Ваши, Пушкин, огненные строки.

В нашем солнечном Узбекистане,
От Пальмиры Северной вдали,
Так же, как с печальной Лейли,
Я сдружилась с вашей милой Тапей,
В чьей судьбе — как мне понятно это! —
Верность наша женская воспета!

Пушкин! Вы когда-то предсказали,
Что к народам вы придете всем,
Но о них вы думали едва ли,
Кто при вас был темен, глух и нем
И кого топтал ваш век жестокий,
О безгласных женщинах Востока.

А теперь... О как вы нам близки
В дни веселья, в смутный час тоски!..

Знаете, ведь правнучки Заремы
И калмычки — женщины степной —
Ваши сказки, песни и поэмы
Переводят на язык родной.

И находит племя молодое
В ваших строках не одно бывшее.

Тем-то гениальность и сильна,
Что в одно связует времена.

С нашим днем вы слиты нераздельно,
Но когда над сыном мать поет,
То она протяжной колыбельной
Будущим векам передает
Вашу мудрость, ваше милосердье,
Ваше, Пушкин, гордое бессмертье!..

Поэма
огня и дороги

I

Дальний путь, ближний путь, бесконечный
путь...

То шоссе, то проселок, а то тропа.
Ты в любом пути терпеливым будь.
Не спеши, мгновения торопя.

Сложным шел ли путем ты или простым,
На земле следы твоих ног лежат.
Без следов

мир пустынное всех пустынь:
Ни борьбы, ни трудов, ни мечты миража...
По дорогам прокатится жизнь твоя
И упрется в конечное небытие.
Но бывает, что мудрость, тропу торя,
Через вечность протягивает ее.

Мастер умер,
но огненной жизни след
Не подвластен времени и ветрам.
И тревожит, и греет нас дальний свет.
Мы склоняемся пред алтарем добра,
Прижимаем колени к земле святой
И ресницами пыль сметаем с камней.
И былое не отделено чертой,
И грядущее видится нам ясней.

II

Мы в пути.

Светом солнечным мир залит.
Вся долина обжита, заселена.
Как украсили древнюю ткань земли
Руки, бросившие в нее семена!

Скорость нашу ездку с полетом роднит.
И свежа, и нарядна вокруг весна!
Много разных следов дорога хранит,
Много тайн и загадок готовит нам.

Манит нас затуманенный горизонт.
А навстречу — ветра свистящий бег.
У меня для радости веский резон:
В этом странствии рядом со мной Айбек.

В новом странствии...

Разве он не устал?

Он ведь столько ходил по родной земле!

И на крыльях поэзии в высь взлетал,

И спускался в глубины минувших лет.

В новом странствии...

Значит, в нем велика

Жажда нового,

жарок сердечный пыл.

Может, вправду

из каждого родника

Он не воду,

а силу и бодрость пил?

Размышлений и образов ценный клад

Лишь перу умножать и хранить дано.

И, на верность испытанное стократ,

В целом мире знало только оно,

Как поэта томит и терзает труд,

Чем оплачен страниц стремительный счет.

Не чернила порою с пера текут:

Слезы капают, жаркая кровь течет...

Что опять за дверцами темных век

Копит взгляд глубоких и жадных глаз?

Путь раздумий
                                    в какой устремился век?
Тихо там или буря вдруг поднялась?
Это знает поэт.
                                    Это скрыто от нас.

Да, художник на вечный труд обречен,
Нескончаем мыслей его полет:
Уподобившись дружному рою пчел,
С нивы жизни они собирают мед.

А машина летит. Продолжает путь.
Солица желтый тюльпан над нами повис.
И Айбек сжимает руками грудь,
Словно сердце удерживает:
                                    «Не взорвись!»

Седина непослушных густых кудрей
Тюбетейку оковывает серебром,
Он глядит все пристальней и добрей
На поля, проносящиеся за стеклом.

Неустанная труженица земля,
Распушившая хлопка веселый снег,

Подарившая колосу груз зерна...
Как, писатель,
судьбою ты сходиен с ней!

Доброй матерью кажется нам она,
А тебя —
мы духовным отцом зовем.
Как земля ярким солнцем озарена,
Так вниманьем народа
ты озарен.

«Наш Айбек творит...» —
нежен взгляд жены.
Оказалась жизнь к поэту щедра,
Одарила сокровищем без цены!
Сердцем ласкова,
чуткой душой мудра.

Трудолюбием мужу она под стать,
Доброта ее там, где нужней всего.
Сыновей Айбека нежная мать,
В дни болезни язык и посох его.
Благороден облик ее и прост,
Обаятелен острый и гордый ум!

Ведь в науке
                                не из последних звезд
Несравненная Зарифа-ханум.

Словно бейта согласные две строки,
Были жизни их счастливо сплетены.
Речи мужа, тихое слово жены
Повторяют с почтением ученики.

III

Если взял ты в удел писательский труд,
Навсегда, как Айбек,
                                с землю сродпись:
Почки замысла дрогнут,
                                и зацветут
Гроздья слов, и нальются плоды страниц.

И запомни, что прошлое — океан,
Тьму сокровищ скрывающий в глубине.
Собирает события оно, как дань,
А жемчужины прячет на самом дне.

И писатель, настойчивый водолаз,
Не из прихоти в дальний ныряет век:
На вопрос, что волнует его сейчас,
Он в былом иногда находит ответ.

Для Айбека прославленная Бухара,
Как учебник, знакома любой строкой.
Но одной

Бухару он видел вчера,
А сегодня увидел уже другой...

И мелькает опять за главой глава
В многолистной книге ее судьбы,
И звучат неслышные нам слова:
Угнетения стоны и клич борьбы.

Древний Арк — побелевший старый верблюд,
Как под бременем времени он устал...
Здесь бы каждому камню кричать:
«Скорблю!»,

Но безмолвны каменные уста.

Не нарядны здесь кружева резьбы,
Здесь и в зной холодна любая стена:
Здесь трудились измученные рабы,
Обреченные под плетями стонать.

В этом городе, выросшем на костях
Тех, кто вечную славу ему принес,
Не глазурью цветной мечети блещут,
А рубинами крови, алмазами слез.

Что ж владыки?

Исчез в песках караван,
По дорогам столетий тащивший их,
Имена и обличья укрыл туман.
Шум шагов в пыли забвенья затих.

А сейчас нам Айбека шаги слышны:
Мерно, гневно — иначе здесь не пойдешь.
И откликнулось эхом из тишины
Шелестенье давно истлевших подошв.

Сколько душ, сколько тел!

Этот полз, тот летел,
В славе, в сраме, за платой, под плеть.
Скользкий камень вот так же хищно блестел,
И слетали головы с плеч...

Как печаль вековая, густа тишина.
Звука, вдоха никто не издаст.
И пустыми глазницами обхона ¹
Свет и радость высасывает из нас.

Обхона, обхона, не твоя вина
В том, что стала ты памятником беды.

---

¹ Название тюремной камеры.

Ведь усталому путнику слаще вина
Был глоток сбереженной тобой воды.

Где вода, там живому — не умирать,
В обхоне дух бессмертья был заключен.
Сам себя на позор обрек эмират,
Осквернивший жизни святой закон.

Тот, кто щедрое лоно твое, обхона,
Превратил в кровавую клеть, в тюрьму,
Нами проклят на вечные времена,
В наших солнечных днях нет места ему!

Мы с великой тоской глядим на тебя, \

Обхона,

символ тьмы и трусливых зверств...

«Если б не было Ленина и Октября,
Не один еще гений угас бы здесь», —

Говорит Айбек.

Боль в его зрачках:

Всем загубленным тут он душой сродни,
На него

со слезящегося потолка

Неотрывно смотрят глаза Айни.

Горбит плечи писатель, прямой всегда.
Он на беркута раненого похож.
Черным горем его нагрузил зиндац,
Он истерзан.

Его пробирает дрожь.

В этот день, на что бы он ни глядел:
Пред его глазами стоял Айни.
«Здесь, в зиндане,
                        во тьме и гнилой воде,
Он грядущую радость в себе хранил.

Сила духа и мужество жили в нем.
Закаленные муками,
                        вновь и вновь
Полыхали строки живым огнем,
И бунтарская в них клокотала кровь»,—

Размышленьями делится с нами Айбек.
Зреют образы в недрах его ума.
А над Арком парит золотой туман,
Словно дух Айни реет там, в тиши,
Говоря:

«Против света бессильна тьма.
Сколько тем нераскрытых...

Айбек, пиши!»

Мы вернулись в гостепицу нашу.

А тут

Две смущенных студентки, юнец студент:
Их прислал за нами весь институт.

Зал заполнен!

И все с нетерпением ждут!

И, пока стихи на губах цветут,
В темноту незаметно ныряет день.

IV

От черты горизонта, полна, вольпа,
Животворную воду несла река.
И по сердцу Айбека плеснулась волна
Новых чувств.

И взлетела его рука
Окрыленно к вершине гордого лба.

Он подался вперед.

И цветущий мир
Перед ним, не таясь, распахнул себя,
Гордый тем, что желанен, доступен, мил.

Может, мнился поэту новый герой?
Или пение пери услышал он?

Или видел:
играет лань под горой
С добрым солнцем, покинувшим небосклон?
Словно легкая дрожь прошла по спине,
Нервно вскинулась крупная голова...
И жена Айбека, склонясь ко мне,
Прошептала догадливо:

«Ты права —

Он работает.

Именно в этот миг
Новый замысел возникает в нем.
Происходит рождение новых книг,
Глеет искра, что сделается огнем».
Как голодный сметает крошки в ладонь,
Так я в память свою пытаюсь собрать
Слово каждое,
чтобы вкушать потом
Твою мудрость, прославленный мой собрат!

А долину прорезавшая река
И течет, и сверкает, как Млечный Путь.
В ней пасутся отарами облака,
И торопится солнце в волне сверкнуть.

И чем ближе, тем ярче слепит глаза,
И чем ближе, тем слаще прохлады вздох.

А потом уж и вовсе понять нельзя,
Блики брызг или звезды радуют взор.

Рассыпающий золото Зарафшан,
Посмотри, как свиданию рад Айбек:
Вышел он из машины, и грузный шаг
Странно стал похожим на детский бег.

О река, материнская полная грудь,
Поднесенная к жадному рту земли!
Через многие жизни пролегал твой путь,
И усладу люди в тебе нашли.

Бурно струи закручивает Зарафшан,
Словно ждал этой встречи немало лет.
И, свое отраженье с водой смешав,
Очарованный, тихо стоит поэт.
И певучие строки трудно сдержать —
Пусть летят они над волной золотой!
Зарафшан,
                    тебя славил Хамид Алимджан,
Тоже мудрый, вечный и молодой.

А теперь Айбек подбирает слова,
Что величье твое в веках сберегут,
Как верблюды, собранные в караван,
Ивы старые сгорбились на берегу...

Два поэта, сумевшие слить в стихах
Шепот сердца и времени грозный гул!
А моим сомнениям —

не стихать:

Все, что в сердце живет,
описать смогу ль?

Но заботам, усталости вопреки
Острой радостью кружат головы нам
Шорох ветра, плеск, свеченье реки,
По земле шагающая весна.

И поэт расправляет могучую грудь,
Он делительный воздух всей плотью пьет.
А в ушах его нежность, веселье, грусть
Вечной песни — ее Зарафшан поет.

Белой пеной взбухая, бурлят сады,
Как внезапно вскипевшее молоко.
Наклонился поэт, зачерпнул воды
Неожиданно молодо и легко.

К чаше смуглых ладоней потом припал.

А сквозь пальцы

на травы к его ногам

Уронил звонкий маленький водопад
Крупных капель алмазы и жемчуга.

«Пейте! — мне, обернувшись, он говорит. —
Воду каждой реки надо знать на вкус!»
У меня, должно быть, смущенный вид:
Как студент на экзамене, я боюсь.

«Пейте!» — требует строго учитель мой,
На меня устремив напряженный взгляд.
Зачерпнув, пью из горсти.

Странно самой,
Сколько смысла таит в себе этот обряд.

«Хорошо, хорошо!» — повторяет он,
Будто мне удались на диво стихи,
Или добрый поступок мной совершен,
Или сроки учения истекли...
Счастье — быть поэтом в родном краю,
С мудрым другом делить дорогу одну,
И раздаривать людям любовь свою,
И навечно быть у стихов в плену.

v

Вновь дорога.

Давно позади Бухара.
Почему ж до сих пор задумчив поэт?
Неужели, исполненный зла и добра,
Голос города что-то кричит ему вслед?

Я ведь видела: шли к нему люди в дом,
Чтобы память свою расстлать перед ним,
Чтоб исполнить свидетелей честных долг.
И в работе смешались ночи и дни.

И листал он судьбы, года листал,
Осторожной рукой касаясь страниц.
Карандаш над бумагой тогда летал,
Умоляя усталость:

«Посторонись!

Не лишай поэта последних сил,
Не мешай работе, пока он тут.
Видишь, пот чело его оросил,
Словно сам он вершил и битву и труд».

До сих пор мне эта картина видна:
Напряженные, горестные глаза,
От волнения поэту речь не верна,
Задыхаясь, он силится мне сказать:

«Здесь готовая книга — любой рассказ,
Потому что отчетливо в нем видна,
Без парадности, фальши и без прикрас,
Суть живая истории. Ведь она

Не стоячая лужа в зеленых кругах,
А бурлящий и вечно живой родник!
Давним прошлым оброненные жемчуга
Нам пора подобрать, наизать на нить,
Чтобы их от забвения сохранить.

У словесности нашей

немало звезд,

И к народу нельзя идти налегке,
Чтобы длился ее плодоносный рост,
Сердцу надо пылать и писать руке».

Папироса погасшая зажжена,
В синем дыме комнаты не видать.
Друг, помощница ласковая — жена
Что-то быстро записывает в тетрадь...

А потом, усталый, он шел гулять.
Как прекрасна вечерняя Бухара!
Сотни сотен огней развлекают взгляд,
Как узоры сказочного ковра.

Бухара, ты — не пленница под чадрой:
Облик твой деловит, опрятен, толков.
И домов твоих светлых веселый строй,
Словно по небу — шествие облаков.

Всюду властно господствует новизна:
Новый дом, новый сквер и новый завод...
В древнем городе новая жизнь видна,
С новой силой гостей он к себе зовет,
Прославляет новые имена.

Новой гордостью полная Бухара —
Драгоценная брошь на груди земли!
С недоступных когда-то слоев добра
Поколения новые пыль смели.

Схожи с сердцем пульсирующим города:
До селений дальних текут от них
И плоды промышленного труда,
И наук уроки, и мудрость книг.

А недавно открытый бухарский газ,
Точно речи звук или зов письма,
Незнакомые люди, дойдет до вас
И живое тепло принесет в дома.

И талант — он не замкнут в себе самом,
Не стреножен словами «сейчас» и «здесь»:
Он, сердца разбудив и согрев собой,
Из эпохи в эпоху летит, как весть.

Тех, кого старый строй угнетал, душил,
На страницах книг воскресит Айбек.
Освещенные светом его души,
Средь живых пребудут они вовек.

VI

Как бурно мчащийся арык,
Дорога резко рассекла
Бесплодную Чули-Малик
И прямо в сказку нас ввела.

Прекрасный город Навои,
Волшебный сад в степи сухой,
Похожи улицы твои
На строки радостных стихов!

Ты свеж, как вешний шум дождя,
Твоя листва нежна, как шелк.
Живой поэт как будто ждал
Нас в гости и навстречу шел.

Кто говорит, что пять веков
Меж ним и нами пронеслось?
Не пять веков, а пять вешков
Из алых, неувядших роз!

Звучит благоуханный бейт,
Где буква каждая ценна,
И услаждает, как шербет,
Язык,
и греет сердце нам.

С народом вместе шел поэт
На труд, на праздник и в бои.
А нынче источает свет
На карте
имя Навои.

Айбек шагает вдоль домов,
Словам хвалы теряя счет.
И как бы видит ряд томов,
Что не прочитаны еще.

Он говорит:
«Смотрите, тут
Чудесно соединены
Полет фантазии и труд
И новь с дыханьем старины».

Здесь мудро зодчий сочетал
Проспектов праздничный простор,
И зелень строгую чинар,
И белый контур дальних гор.

А площадь — та лугам сродни:
Купается в лучах она.
И в сладкой прячутся тени
Кафе, цветник и чайхана.

Хрустальный плещется фонтан...
«Где ж комбинат? —

Айбек спросил. —

Я побывать хотел бы там,
Хватило б времени и сил».

И тут же, тяжело дыша,
Умерил он шаги свои.
Но слышала его душа
Живое слово Навои.

Звучал повсюду детский смех,
Как сотни звонких родников,
И юный город, горд и смел,
Сверкал и цвел среди песков.

VII

Он нас торопил, в нетерпении весь...
Любые дороги ему хороши:
«Поедем на Талимарджанскую ГЭС!
Я должен немедля увидеть Карши!»

Все люди ему интересны, нужны,
Все что-то должны показать, рассказать...
И, жгучей бессонницей опалены,
Темнели всевидящие глаза

Поэта.

И чувствовал каждый из нас,
Здоровьем и жизнью его дорожа,
Что пынче работает он на износ.
Но можно ли горный обвал удержатъ?

И вот, проявляя законную власть,
Любезный хозяин воскликнул:
«Домла!

Чтоб к чаше покоя устами припасть,
Прошу вас на время оставить дела.

Ваш труд благороден.

Страпицами книг
Умеете вы, зажигая сердца,
Связать поколенья, чтоб в сына проник
Огонь, вдохновлявший на подвиг отца.

Но я многословен...

Простите меня.
Пожалуйте в вашу машину, домла».

И снова дорога змеилась, маня,
Куда-то звала и куда-то вела.

И возле ущелья два черных жука —
Два «ЗИЛа» притихли, застыв на траве.
Прохлада, как ласковая рука,
Поэта погладила по голове...

Лежат одеяла на белой кошме.
Кошма — словно лодка на море цветов.
Любезный хозяин сидит на корме:
Беседой и пиром он править готов.

«Товарищ директор, начните рассказ!
Совхоз ваш в республике славец давно.
Айбек с интересом послушает вас,
И мы, недостойные, заодно».

Смеется директор:
                        «Для длинных речей
Как будто не время.
                        Взгляните сюда:
Лепешки пока что огня горячей,
Свежи, ароматны питье и еда».

И вправду —
                        на скатерти виноград

Просвечивал яхонтом и янтарем,
Пиалы с кумысом построились в ряд,
Дымилась баранина,
и озарен
Полуденным солнцем был сотовый мед,
И масляной грудой лежал богурсок,
Айбек же
не сладости в руки берет,
Но алый гранат, источающий сок.

И мне, разломив, предлагает гранат:
«Вот чудо-лекарство.

Секрет его прост».

И доброй усмешкою светится взгляд.
И в шутку ему задаю я вопрос:
«Но вылечить может гранат от чего?»
А он отвечает:

«От прожитых лет.

Вам станет опять восемнадцать всего!
Хотите?» —

«Конечно, хочу!

Впрочем, нет...

Я стану моложе?

Но, значит, бедней!

Ведь годы — не только источник седин...

Нет, милый учитель,

из прожитых дней

Забвенью отдать не могу ни один.
Как можно забыть все, что было со мной,
Весь путь, что в страданиях и счастье пролегал?
Себе я судьбы не желаю иной,
Хоть, может, закат мой не так уж далек».
В ответ мне ни слова никто не сказал.
Хозяин неловкую тишину
Нарушил:

«Попробуйте «кора жанжал!» —
И мне виноградную гроздь протянул.

Айбек восхищен:

«Ах, узбекский язык!
Украсить его может только народ,
Один виноград для него «озорпик»,
Другой же он «сердцем голубки» зовет.

Кишлак вдруг назвал «радость сердца» —
Вадиль.

Так жажда прекрасного в нем велика!
И, словно алмазы чистой воды,
Сияют слова сквозь года и века.

А мысль о закате — ненужная мысль...»
И, чтобы волнение унять, охладить,
Он жадным глотком выпивает кумыс
И долго в глубоком молчанье сидит.

А мимо, как белые облака,
Овечьи отары неспешно бредут.
Узорчатым поясом вьется река.
На ближней поляне ветрами раздут
Пожар ярко-красных тюльпанов.

И гость

Сидит, опьяненный дыханьем весны.
Директор ему говорит про совхоз —
Поэзией цифры сухие полны!
Узбекский каракуль...

Вам скажет знаток —

И головой поручится за то, —
Что каждый плоёный его завиток
Сегодня воистину золотой.

А вот и чабан. Он подобен орлу:
Остер его взор и фигура стройна.
И просит Айбек:

«Позовите к столу,

Пожалуйста, этого чабана».
Чабан в две руки взял поэта ладонь
И сел, проявив благородство и такт.
И снова кумыса белесый огонь
В пиалах забился и заклокотал.

И снова беседа лилась от души:
К вопросу вопрос, за рассказом рассказ.

Родная земля, точно щедрый бахши,
Все новые песни слагала для нас.
Какие тона по воде растеклись!
А травы

атласными стали на вид...

Урал Тансыкбаев,
нужна твоя кисть,
Чтоб это мгновение остановить!

«О женщины, — к нам обратился Айбек, —
Любое желание ваше — приказ.
Скажите ж часам, чтоб умили бег,
Они не посмеют послушаться вас!

Жестока упорная гонка часов.
Как часто от времени мы отстаем!
А этот грабитель бессовестный — сон:
Треть жизни почти мы ему отдаем».

«К себе вы излишне суровы, домла:
Вы ж только к утру задремали слегка!» —
«Мне жаль и минуты, что зря протекла.
Жить надо бессонно, как эта река.

Саксон-дара!
Боже, еще бы сто лет

Любить этот край и бродить по нему.
А после пусть гаснет приветливый свет:
Без грусти я принял бы вечную тьму...»

И он замолчал.

И вторично в тот день,
Хоть радостно было кругом и светло,
На солпце надвинулась черная тень
И нас опахнула тяжелым крылом.

Но тут же растаял тревоги туман,
Сожженный веселым весенним огнем.
Цветной и зеленый шумел океан...
Айбек предложил нам:

«Поплаваем в нем!

От дивных красот я едва не ослеп,
Хочу колдовство их развеять чуть-чуть.
Вон едет старуха верхом па осле.
Куда и откуда лежит ее путь?»

Идет он по травам, как вброд по реке
Идут, позабыв про ладью и весло,

И звездочкой светит ему вдалеке
Нечаянной встречи живое тепло.

И возле старухи замедлил он шаг,
Склонился пред ней, как почтительный сын.
Поношенным был ее красный мурсаг.
Весь облик печать увяданья носил.

Но рядом

нарядно, беспечно, легко
Светилось лицо всех бутонов нежней!
«Как звать тебя, девочка?» —
«Хурилико...» —

И смотрит: а кто же стоит перед пей?

Я краткое имя шепнула ей.

Вдруг
Счастливым румянцем опа расцвела!
В глазенках восторг, изумленье, испуг:
«Да нет же... Как можно...
Тот самый домла,
Который... «Священная кровь!» «Навои»!
Читаешь — и радость, и слезы рекой...» —

«А может быть, глядя косички твои,
Он пишет поэму «Хурилико»...

Красавица, я за тебя не боюсь:
От зла и от сглаза тебя сбережет
Не в косы вплетенная ниточка бус,
А свет, что над нами свободой зажжен», —

Так молча я думала.

Время текло,
И делались тени синей и длинней.
Уж солнце, как соком налившийся плод,
Готово сорваться с небесных ветвей.
«Простите, что мы задержали вас, мать,
Должно быть, делам вашим я помешал.
А вам не трудиться,
а есть бы, да спать,
Да сказки рассказывать малышам.

Давно вы покой заработали свой». —
И, рот прикрывая концами платка,
Смеется старуха, трясет головой.
Глаза ее — меркнущих два уголька...

И нас приглашает в свой дом заглянуть,
Отведать вечерней чабапской еды.
Потом они обе продолжили путь.
Дорожная пыль приняла их следы...

И, как «послезавтра» и «позавчера»,
Прабабка и правнучка шли над рекой.
И почь на одну надвигалась, черна...
И солнечный день расцветал для другой!

VIII

Он хотел Шахрисабз посетить —
и не смог.
Он хотел в Пачкамар заглянуть —
не успел.
Торопясь, приближая свой радостный срок,
Майский праздник в кумач наряжался и пел.

И конечно же три поколения семьи,
Словно ветви, листвою увенчавшие ствол,
Отложив все дела и заботы свои,
Без Айбека не сядут за праздничный стол.

Но потом, когда праздник уйдет со двора,
Схлышет шум многолюдья и пиршества зной, —

За работу пора!

Без чернил и пера
Истомилась бумага пустой белизной.
Он прощается, к сердцу ладони прижав...
Он идет...

Под ногами — асфальт и бетон.
Плечи сгорблены.

Нам его словно бы жаль,
Хоть совсем не нуждается в жалости он.
Вот жену он берет, как птенца,
под крыло...
Небеса раскрывают объятия ему.
Я дрожу...

Отчего?
Ведь па солнце тепло.
В горле — слезы горячим комком.
Почему?

Отчего в пенье ветра услышала я
Четкий голос тревоги, дыхание зла?
И предчувствий дурных роковая змея
В сердце, вытеснив радость,
зачем заползла?

Никогда не сдавался болезням Айбек,
Шел без жалоб своим многотрудным путем.
И сегодняшний день, и исчезнувший век

Нес в душе он.

И был каждый час им учтен,
Что не таял бесследно, как утренний снег.

И еще суждены ему долгие дни.
Как могуч он, обличем похожий на льва!
Ждут перо и бумага.

И жаждут они
Новых мыслей, готовых облечься в слова.
Так себе говорили мы.

И не посмел
Ни один черной правде в глаза заглянуть.

Но уже, как завистник,

точила смерть

Свой топор

и пускалась в недальний путь,
Как мы были беспомощны и слабы
Меж больничных стен и недужных тел!
Опрокинутый факел в руке судьбы
Не пылал, а дымился и еле тлел...
Смерть, коварный разбойник, немой палач,
Почему ты безмерно сурова к нам?
Вот ушли Шейхзаде, Каххар и Гулям,
А теперь по Айбеку несется плач...
Что оставишь ты будущим временам?

Выбираешь ты лучших.

Таков Айбек!

Хоть была нелегка дорога его,
Никому не завидовал он вовек,
Не унизил за жизнь свою никого.
Остановлен стремительный бег часов.
Замыкая дорог и путей кольцо,
На поэта надвинулся вечный сон.
Но взгляните, взгляните в его лицо!
Он не мертв.

Он как будто слегка устал.

Это тень покоя, не смертный мел!
Так ложится пахарь под тень куста
Или путник вытягивается на кошме.
Он в плену у работы.

И смерть слаба,

Чтобы вдруг на молчанье его обречь!
Словно звезды, сияют над пим слова.
Он безмолвен

и все ж продолжает речь.

Жизнь большого поэта — не краткий миг:
Ей в годах и пространстве границы нет.
Ты листаешь страницы знакомых книг —
Значит, снова в дороге, в трудах поэт!
У могучей реки приток не один,
Потому и пески его не сомнут.
Так и отчее дело продолжит сын,

Так и дедово имя прославит внук.
Откровением новым глаза слепя,
Вновь поэма страницами шелестит...
Мы глядим в нее — узнаем себя.
Значит, жив Айбек.
Значит, он в пути!

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Родные. <i>Перевел С. Липкин</i>	9
Болгария. <i>Перевел С. Липкин</i>	12
Без тебя. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	16
Я о жизни прошедшей... <i>Перевела Ю. Нейман</i> .	19
Лишь одной любви. <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	20
Напрасно прожитое. <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	21
Невысказанные... <i>Перевела Ю. Нейман</i>	22
Распутье. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	24
В объятиях бури. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	27
Возле фонтана. <i>Перевела М. Борисова</i>	29
Морщинками меня не попрекай. <i>Перевела</i> <i>Ю. Нейман</i>	31
Дыхание жизни. <i>Перевела М. Борисова</i>	33
На озере. <i>Перевела М. Борисова</i>	35
Мое дитя. <i>Перевела М. Борисова</i>	37
О вас пою, земляки. <i>Перевел А. Наумов</i>	40
Бессмертная моя... <i>Перевела М. Борисова</i> . . .	50
В день моего рождения. <i>Перевела Р. Казакова</i>	56
Строки памяти. <i>Перевел А. Наумов</i>	59
Дорога в поле. <i>Перевел С. Липкин</i>	65
Ожиданье. <i>Перевела Р. Казакова</i>	69

Закат. Перевела Р. Казакова	70
Тоскую снова по весне. Перевела Р. Казакова	72
Зло. Перевела З. Туманова	74
У памятника. Перевела М. Борисова	76
Мираб. Перевела Ю. Нейман	77
Откройте окно! Перевела И. Лиснянская	79
Гости явились. Перевела Ю. Нейман	81
Доктор! Перевела Ю. Нейман	83
«Словно снег...» Перевел А. Наумов	85
Солпцу. Перевела Ю. Нейман	87
Боссонпица. Перевела И. Лиснянская	89
Годы, годы... Перевела И. Лиснянская	91
Спасибо! Перевела Ю. Нейман	93
Дорогие чувства. Перевела И. Лиснянская	
Веспа	95
Взук	97
Плакучая пва	99
Сады	101
Мечты	103
Труд	105
Родные	107
Яблоко. Перевела И. Лиснянская	109
Приносили букет цветов мне девушки. Перевела	
И. Лиснянская	110
Лодка жизни. Перевела Ю. Нейман	112
Южная ночь. Перевела Ю. Нейман	114
Вся жизнь ее была... Перевела Ю. Нейман	116
«Счастливую любовь он воспевал, мой саз...»	
Перевела Ю. Нейман	118
Радуга. Перевела Ю. Нейман	119
Говорят... Перевела Ю. Нейман	125
Вечер на реке. Перевела Ю. Нейман	127
Неужные воплепия. Перевела Ю. Нейман	128

Достань мне солнце! <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	129
Невесту привезли. <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	132
На земле я родилась... <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	133
В глазах — звезды... <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	135
В шипели и с оружием в руках. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	138
Капли бесконечные. <i>Перевела Ю. Нейман</i> . . .	140
Протестую! <i>Перевела Ю. Нейман</i>	142
Будущее. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	144
Кого ты ждешь? <i>Перевела Ю. Нейман</i>	148
Председатель. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	150
Этюд. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	154
Пушкину. <i>Перевела Ю. Нейман</i>	155
ПОЭМА ОГНЯ И ДОРОГИ. <i>Перевела М. Борисова</i>	161

Зульфия (Исраилова Зульфия)

СТРОКИ ПАМЯТИ

М., «Советский писатель», 1978, 200 стр.
План выпуска 1978 г. № 336

Художник *Е. И. Коган*

Редактор *Н. Ф. Шумаков*

Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*

Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*

Корректор *Л. Г. Соловьева*

ИБ № 1364

Сдано в набор 28.10.77. Подписано к печати 20.01.78. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага мелов. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 8,75. Уч.-изд. л. 4,57. Тираж 50 000 экз. Заказ № 906. Цена 85 коп.

Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.